

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

ЗАМЕТКИ О СИНТАКСИСЕ
И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ
В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Хомский в своей работе «Синтаксические структуры» обсуждает вопрос о независимости грамматики, пытаясь утвердить это в качестве основного принципа. «Всякая грамматика, — говорит он, — соотносится со всей совокупностью предложений языка, который она описывает способом, заранее предусмотренным лингвистической теорией для всех грамматик».¹ Данное определение позволяет провести наши наблюдения путем сравнения, не пытаясь обсуждать в этом вопросе внутреннюю структурную ценность языка. Шекспиру, как романтическому поэту, нравились сравнения, и в «Много шума из ничего», превознося наблюдения над сходством и различием, он сказал: «Сравнение благоуханно». Вскоре другой поэт, более сдержанный — Джон Донн в своих «Элегиях» предпочел этому высказыванию другое: «Сравнения отвратительны». Благоуханны ли сравнения, или отвратительны, но они неизбежны, поскольку большая часть наших знаний основана на них. Правильное сравнение не обязательно должно означать вычисление внутренней ценности или оценку практического достоинства. Это — простое исследование различий и сходств без субъективной оценки. Мне понадобилось это краткое введение, поскольку я собираюсь иметь дело с несколькими языками с различной «рыночной стоимостью» в отношении синтаксической структуры.

История английского, французского, русского и немецкого языков как современных мировых языков хорошо известна, так как они являются детьми единого праязыка, чья история была детально, шаг за шагом восстановлена с доисторических времен до настоящего времени. Турецкий же язык в этом отношении находится в менее выгодном положении, так как его происхождение затерялось во мгле доисторического времени. О. Соважо в своей работе «Исследование словаря урало-алтайских языков» заметил: «Время и эволюция, подвергшие эрозии поверхность Северной Сибири, так же стерли своеобразие отдельных алтайских языков, уподобив их друг другу. Этот процесс шел своим путем и завершился значительно раньше, чем сформировались все про-

чие известные явления».³ Судя по таким морфологическим и семантическим связям, как турецкие *kas-mak*, *kis-mak*, *kes-mek*, которые объединены вокруг семантического ядра 'ограничивать, сокращать, урезать', можно предположить, что в эволюции тюркских языков существовал вид фоно-семантической модуляции коренной гласной, нечто вроде индоевропейского чередования гласных или, скорее, качественного чередования гласных (ср., например: греч. *legō* 'я говорю' и *logos* 'слово'; лат. *tego* 'я покрываю' и *toga* 'мантия'; англ. *sing* и *song*; дцсл. *teka* 'я бегу' и *tokū* 'поток').

В лингвистической классификации, исходящей из внешнего типа языка, термин «агглютинативный» применительно к тюркским языкам совершенно непригоден. Типичный пример, на который столь часто ссылаются, *sev-iş-tir-il-e-me-mek* показывает морфологию и последовательность инфиксов-суффиксов, но не имеет никакого отношения к синтаксису. Тюркский синтаксис может быть охарактеризован, по-видимому, как комплексивный в отличие от синтаксиса индоевропейских языков, который является линейным.

Эта «комплексивность» тюркского синтаксиса обусловлена отсутствием связующих элементов, которые в языках, обладающих ими, напоминают звенья цепи, связывая несколько фраз или части предложения в линейном порядке, в то время как тюркское предложение представляет собой общую «грудку». В качестве примера возьмем английское предложение *I went to Istanbul*. Оно органически завершено, но если к нему добавить другую фразу, то получится предложение *I went to Istanbul + to meet my friend*, которое также органически завершено. Таким образом, добавляя последующие звенья, получаем: *I went to Istanbul + to meet my friend + who had just arrived from Glasgow + where he had gone to study shipbuilding + for four years + at the University + on the recommendation of our teacher* и т. д. Главная часть *I went to Istanbul* — первое и основное звено в цепи. Турецкий перевод будет выглядеть иначе, начинаясь с эквивалента к словам *our teacher* и заканчиваясь эквивалентом к *I went*: *Hocamızın tavsiyesiyle üniversitede dört yıl gemi inşaatı öğrenmek üzere Glasgow'ya giden ve son günlerde yurda dönen arkadaşımı görmek üzere İstanbula gittim*. В английском языке все второстепенные предложения и его части следуют за основной частью, т. е. подлежащим-сказуемым, тогда как в турецком второстепенные предложения и части предшествуют основной части, а основной глагол образует заключительную часть.

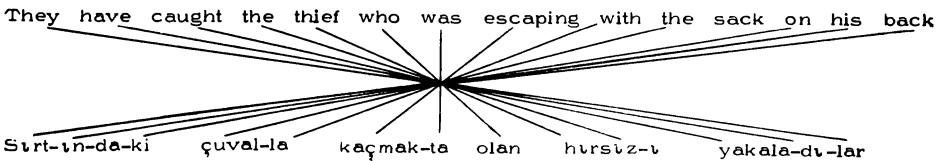
Эти языки — английский и турецкий, представляют собой два типа языка, каждый из которых характеризуется своим «семантическим складом». Один язык считает: «Важно, чтобы глагол был впереди, а затем детали», другой отвергает это: «Сначала объяснения, которые описывают обстоятельства действия, а затем важная и заключительная часть — глагол».

Турецкий язык не имеет ни относительных местоимений, ни относительных наречий (наречий, которые вводят подчиненные предложения и служат в качестве и наречия, и союза). В нем нет даже точного эквивалента английскому союзу *and* (лишь в некоторых диалектах *birle*, *bile*, *ile* = 'with' означает также *and*). Место союзных слов замещают здесь разнообразные деепричастия (*Konverba*). Союз *ki* (=which, who, that) — персидское заимствование. Ср., например: *Biliyordum ki уармауасак* и *Уармауасағını biliyordum* 'Я знал, что он не сделает этого'; некоторые деепричастия играют также роль союза *and* — *gidip geldi* = *he went and returned*. В турецком языке нет четкого различия между тем, что во французском называется *mot variable* и *mot inva-riable*, например, турецкие послелогои могут склоняться подобно именам существительным и местоимениям: *karımın önündedir* = *it is in front of the door*.

Два брата, принадлежавшие к турецкой аристократии и обучавшиеся во Франции, пытались смоделировать турецкий синтаксис по французскому образцу: *Sizden dilemekle şerefleniyorum ki bana çabuk bildiresiniz, aldınız mı paketi ki gönderdim adresinize geçen hafta* 'Имею честь просить Вас сообщить мне по возвращении, получили ли Вы посылку, которую я отправил в Ваш адрес на прошлой неделе'.³ Ясно, что эта смелая попытка потерпела полную неудачу.

В турецком и английском языках очень часто составные части предложения находятся в обратном порядке; ср. тур. *Sırtındaki çuvala kaçmakta olan hırsız yakaladılar*; англ. *The thief who was escaping with the sack on his back arrested*.

Приведем сравнительную диаграмму:

Турецкий синтаксис имеет другую важную особенность — слово, предшествующее глаголу, несет основное значение и семантическую выразительность. Например:

1) *Yarın ben annemle birlikte uçakla Londraya gideceğim*; здесь представлен обычный порядок слов: 'Завтра вместе со своей матерью я полечу самолетом в Лондон' (подчеркивается: именно в Лондон, а не в какое-либо другое место).

2) *Yarın ben annemle birlikte, Londraya uçakla gideceğim* (подчеркивается: не каким-то другим способом, а именно самолетом).

3) *Yarın ben uçakla Londraya annemle birlikte gideceğim* (подчеркивается: именно с моей матерью).

4) Yarın uçakla Londraya annemle birlikte ben gideceğim (подчеркивается: именно я, а не кто-нибудь другой).

5) Ben, annemle birlikte uçakla Londraya yarın gideceğim (подчеркивается: именно завтра).

Эти примеры на фоне других языков показывают относительную гибкость и яркую выразительность турецкого синтаксиса. Один из индоевропейских языков — немецкий имеет более сложный синтаксис, чем турецкий. Этому языку свойственны глаголы с отделяемыми приставками: machen Sie die Tür zu (ср. еще англ. give up и нем. aufgeben; англ. give in и нем. nachgeben), а также предложения со «вставными» предложениями или оборотами (Schachtelsatz). Сравним порядок слов в предложениях на четырех языках:

1) англ.: The boy lying on the grass which is withered under the sun.

2) франц.: L'enfant qui s'est couché sur l'herbe desséchée sous le soleil.

3) тур.: Güneşten kurumuş olan çayırın üstünde yatan çocuk.

4) нем.: Der in dem von der Sonne gedörrten Grase liegende Knabe.

В расчлененном виде получаем:

англ.: The boy

The lying boy

The boy lying on the grass

The boy lying on the withered grass

The boy lying on the grass which is withered under the sun.

франц.: L'enfant

L'enfant qui s'est couché

L'enfant qui s'est couché sur l'herbe

L'enfant qui s'est couché sur l'herbe desséchée.

L'enfant qui s'est couché sur l'herbe desséchée sous le soleil.

тур.: Çocuk

Yatan çocuk

Çayırın üstünde yatan çocuk

Kurumuş çayırın üstünde yatan çocuk.

Güneşten kurumuş olan çayırın üstünde yatan çocuk.

нем.: Der Knabe

Der liegende Knabe

Der in dem Grase liegende Knabe

Der in dem gedörrten Grase liegende Knabe.

Der in dem von der Sonne gedörrten Grase liegende Knabe.

Вот грамматические связи в этих примерах:

англ.: 1. The boy

2. lying

3. on the grass

4. which is withered

5. under the sun

тур.: 5. Çocuk

4. yatan

3. çayırın üstünde

2. kurumuş olan

1. güneşten

франц.: 1. L'enfant

2. qui s'est couché

3. sur l'herbe

4. desséchée

5. sous le soleil

нем.: 1. Der 7. Knabe

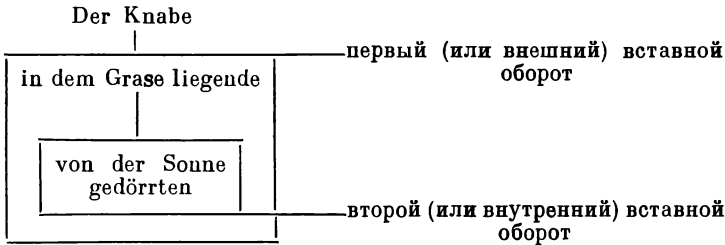
6. liegende

2. in dem 5. Grase

4. gedörrten

3. von der Sonne

Для большей наглядности диаграмма немецкого предложения может быть представлена в следующем виде:

С другой стороны, в турецком предложении обороты, определяющие подлежащее (çocuk), одинаково последовательны: 1) Yatan çocuk = the boy lying; 2) Çayırın üstünde yatan çocuk = the boy lying on the grass; 3) Güneşten kurumuş olan çayırın üstünde yatan çocuk = the boy lying on the grass which is withered under the sun. Сравнивая с английским и французским порядком слов, мы видим, что турецкие фразы нумеруются последовательно в обратном порядке: 5, 4, 3, 2, 1, тогда как в немецкой диаграмме порядок цифр не последователен: 1, 7, 6, 2, 5, 4, 3.

* * *

Теперь обратимся к грамматической функции и ее большой значимости. Происхождение большого разнообразия функций может быть объяснено в нескольких словах. Первым изречением доисторического человека (монолог или сообщение), в котором

был смысл, была голофраза, нечто, не поддающееся анализу в отношении определенных связей фонем, морфем и семем. Со временем, еще в дограмматическую эпоху, эти компоненты развились из голофрастического ядра и образовали поддающиеся анализу предложения. Последние несли в себе дискретные, грамматически самостоятельные речевые единицы, изменяющиеся в меньшие единицы речи, формы и значения. В начальной стадии формы имели ограниченную сферу значений, но постепенно дополнительные значения начали обрастать вокруг основного ядра, что часто приводило к разрушению семантического поля формы, а также к разрыву связей между знаками и тем, к чему они относились. Так как истоки языка — в психологии, то это объясняет безграничность функций и, наоборот, ограниченность формы. Отсюда большая значимость функции в грамматическом анализе.

Современные лингвисты, прокладывающие путь к утверждению функционального взгляда на язык, должны считать своим предвестником Адольфа Нурена из Швеции.⁴ Затем вышла работа Отто Есперсена в 1924 г.⁵ и в наши дни книга А. Мартина.⁶ Необходимо упомянуть также работу Г. Гугенхейма.⁷

Поскольку объем данной статьи ограничен, то из всей структуры турецкого языка я выбрал для краткого рассмотрения только категории падежа и наклонения. Грамматисты обычно считают, что понятие падежа определяется через склонение, в котором действуют падежные окончания. В этом смысле — это морфологическая категория (ср. *Klisis, ptosis; declinatio, casus; Beugung, Fall*, склонение, падеж). Но более широкое функциональное понятие падежа иное. Возникает вопрос, какая существует разница с функциональной и семантической точек зрения между англ. *to the door* и тур. *kapıya*. Оба — направительные; первый — аналитический с предлогом (в данном случае называемый «косвенный объектный» или «предложный дательный»); второй — синтетический с падежным окончанием (франц. *desinence casuelle*, в данном примере называемый дательным); семема та же самая. Нурен в своей книге упоминает об использовании двух различных терминов в связи с этой семемой: падеж (*Case, Kasus*, тур. *hal*) и статус (*State, Status*, тур. *durum*); первое относится исключительно к морфологическому образованию «имя существительное + падежное окончание», второе — к позиции в предложении с семантической точки зрения. Нурен перечислил всего 175 статусов (*States*), а также установил, что финское склонение имеет 16 падежей, а грузинское — 23.⁸

В старо- и среднетурецком языке было 9 падежей, не считая именительного: винительный, родительный, дательный, местный, исходный, инструментальный, направительный, сравнительный и приватив (отрицательный). В системе склонения современного турецкого языка нет инструментального падежа, но это не значит, что грамматика не нуждается в нем и лишена инструментальной функции. Понятие и функция инструментальности существуют

в тур. яз. в форме статуса, т. е. «имя существительное + послелог», например: *kalem ile > kalemle* (*kalem* + энклитический *-le*). В тур. склонении ударение падает на падежное окончание, но в данном случае оно падает на последний слог основного слова, а не на окончание *-le* (*kalémle*). Здесь мы должны различать также инструментальное *-ile* и совместное *-ile* (напр.: *annemle* 'с моей матерью'), которое является другим статусом. С функциональной точки зрения более сложным является окончание исходного падежа *-dan/-den*, которое загружено примерно 30 функциями.⁹

Богатая терминология Нурена может и, я полагаю, должна быть использована для описания большинства таких функций, напр., *köye bu yoldan gidilir*, где основное значение *-dan* не исходное, а пролативное, т. е. не 'уходить', а, наоборот 'не покидать, идти, следовать по дороге'. В тур. яз. такие термины, как *çıkma hali*, *ayrılma hali*, *uzaklaşma hali*, *kopma hali*, видимо, с функциональной точки зрения используются неправильно для исходного падежа. Следующий пример в достаточной мере подтверждает это. *Ön kapıdan girdi binanın yan kapısından çıktı* 'он вошел через парадную дверь, а вышел из дома через боковую'. Здесь невозможно использовать термин *çıkma hali* для обоих *kapıdan*, поскольку глаголы *girmek* и *çıkma* являются антонимами. Термин *-dan/-den hali* должен оставаться также полисемантическим символом, для которого различного различия функции должны быть перечислены и показаны наглядно.

Теперь последний пункт моих заметок — о наклонении. Для обозначения этого понятия в европейских языках обычно используется слово, происходящее от латинского корня *modus*, эквивалента греческого *diathesis*, означающее 'манера, особая форма, стиль'. Но английское слово *mood* отличается от них и не происходит от латинского корня. Это — германское слово, переводимое как 'сознательное, душевное состояние', 'склонность', 'настроение'. И данное значение хорошо отражает сущность наклонения в грамматике. Так, в действительности число грамматических наклонений почти безгранично, их столько, сколько человек имеет или может иметь склонностей разума и души. Оно не может быть ограничено тем весьма незначительным количеством, которое грамматисты перечисляют по пальцам: изъявительное, повелительное, условное, сослагательное, предположительное, желательное, запретительное и некоторые другие, основанные на морфологии и модальных аффиксах. О. Есперсен в своей книге пишет: «Если покинуть спасительную область глагольных форм, то в языке можно обнаружить множество наклонений»,¹⁰ и перечисляет 20 смысловых наклонений, разделенных им на две группы: 1) содержащие элементы желания и 2) не содержащие элементы желания.

В своей статье я привел список из 61 наклонения турецкого глагола, одни из которых основаны на элементах модальности, другие — чисто смысловые и не зависят от словообразовательных инфиксов и суффиксов.¹¹ Турецкий глагол по количественным

показателям и тонкостям различия может соперничать с шумерским глаголом.¹² Сравним некоторые английские примеры из книги Есперсена с моими, приведенными в вышеупомянутой статье.

Е с п е р с е н а: понудительное: he has to go; долженствования: he ought to go; совета: you should go; просительное: please go; приглашительное: let us go; разрешительное (пермиссивное): you may go if you like; обещательное: I will go.

М о и: изъявительное: gider, gidiyor, gitti, gidecek; категорическое: gitmiştir, gidiyordur; эмфатическое: gitti mi gitti; предположительное: kalkar giderim, görür gelirim; просительное: ah, Allahım şu adam buradan gitse; благословительное: üniversiteye gidesin, büyük adam olasin; угрожающее: hele gitsin kılığını görür; протестующее: gittin he, seni gidi; увещательное: git, git, iyi olur; предостережительное: sakın gitme, iyi olmaz; обманчивое: meğer gitmiş; разрешающее (пермиссивное): evet gidebilirsin, iznin geldi; волюнтаривное: ister gitsin, ister gitmesin; дозволительное: canım, varsın gitsin, ne olur; предположительно-необходимое: gide imiş; условно-необходимое: gitmeli ise; нереально-условное: gitseydi onu görürdü; нереально-предположительное: ah, keşke gitseydi; предположительно-желательное: gide imiş; предположительно-повелительное: gitsinmiş, и т. д. Это лишь 20 турецких глагольных наклонений из бесчисленных склонностей (настроений) человеческой души!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Chomsky N. Syntactic structures. s'-Gravenhage, 1957; рус. пер. см.: Хомский Н. Синтаксические структуры. — В кн.: Новое в лингвистике, II. М., 1962, с. 417.

² Saucageot A. Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Paris, 1929.

³ «Revue Internationale de l'Enseignement», January 15, 1935, Paris; а также: «Yücel», N 46, December, 1938, Ankara.

⁴ Noreen A. 1) Vårt Språk, I—IX. Lund, 1903—1925; 2) Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Halle, 1924.

⁵ Jespersen O. Philosophy of grammar. London. 1924; рус. пер. см.: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

⁶ Martinet A. 1) Functional view of language, Oxford, 1962; 2) Language et Fonction. Paris, 1969.

⁷ Gougenheim G. Morphologie et fonctions grammaticales. — Journal de Psychologie, Paris, 1959, p. 417—425.

⁸ Noreen A. Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. S. 329—366.

⁹ Dilâçar A. Gramer: Tanımı, Adı, Kapsamı, Türleri, Yöntemi, Eğitimdeki Yeri ve Tarihçesi. — TDAY, 1971, s. 83—145. Ср.: в турецкой грамматике, написанной А. Н. Кононовым в 1956 г., выделено 12 основных функций исходного падежа в нескольких подразделах, а в грамматике Г. Льюиса (1967) — 7 основных функций с подразделами.

¹⁰ Jespersen O. Philosophy of grammar, p. 319—320.

¹¹ Dilâçar A. Gramer: Tanımı, Adı, Kapsamı, Türleri, Yöntemi, Eğitimdeki Yeri ve Tarihçesi. S. 107—109.

¹² Deimel A. Das Šumerische Verbum. Rome, 1935.